

ВЕЛИКИЕ БОРЦЫ ЗА РУССКУЮ ЗЕМЛЮ

P
175290

**Кузьма
Минин**

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1 9 4 2

Редактор *Н. Фройнд*

Подписано в печать 24 июня 1942 г. Объем 1 $\frac{1}{4}$ печ. л. Уч.-изд. 1 л. 38 000
в 1 печ. л. Тираж 200000. А 61126. Заказ № 447. Цена 25 коп.

3-я типография «Красный пролетарий» Отгиз РСФСР треста «Полиграфки»
Москва, Краснопролетарская, 16.

КУЗЬМА МИНИН

I

Грозным был для нашей родины 1611 год. Тревожные вести шли из разных концов страны.

Неудачей окончились попытки создать всенародное земское ополчение, чтобы избавить страну от нашествия иноземцев. На северо-западе, в Псковской земле, появился новый самозванец, назвавшийся, как и все другие многочисленные тогда самозванцы, «царем Димитрием». Отряды «воров», как называли тогда беглых людей, орудовали от имени всяких самозванных «царей», рыская по городам и селам. Новгород захватили шведы. В сердце Москвы, в Кремле, сидели враги, впущенные предательской рукой бояр в сентябрьскую ночь 1610 года. Неудачу потерпело вспыхнувшее внезапно, в марте 1611 года, восстание москвичей против угнетателей. Древний город в значительной своей части был сожжен. Под Москвой стояли таборы соратников тушинских воров и отряды казаков, в большинстве своем заинтересованных только в своей личной выгоде.

Не было тогда на Руси той руки, которая могла бы объединить разрозненные усилия народа и направить их для освобождения родины от всех бед.

В июне 1611 года, после двадцати месяцев осады, пала одна из главных русских твердынь — Смоленск.

Осада Смоленска была начата в сентябре 1609 года польским королем Сигизмундом III, затеявшим бессмысленную для польского народа войну против русских.

Справедливо отозвался об этой войне, навязанной полякам и русским, польский гетман Жолкевский, руководивший в то время военными действиями против русских:

«Московская война, причинившая ужасное кровопролитие и столь много бедствий, которые еще не кончились, — писал Жолкевский в 1611 году, — произошла от человека подобного Бриссонету, пана Юрия Мнишека, воеводы Сандомирского».

Бриссонет, о котором говорил Жолкевский, известен как подстрекатель войны, затеянной французским королем Людовиком XI против Неаполитанского королевства.

«Из честолюбия и корыстных видов, — писал Жолкевский о Мнишке, — решился он покровительствовать и вести на царство Московское москвитянина Гришку, сына Отрепьева, который обманом назвался царевичем московским».

Хорошо описал польский коронный гетман, как орудовали Мнишки и их присные в своих корыстных интересах, навязывая народу войну:

«С помощью лести и лжи, которые были орудиями его [Мнишки] действий, и родственника своего ксендза Бернарда Мацевевского, епископа Краковского и кардинала, имевшего в то время большой вес при дворе короля, он [Мнишек] достиг того, что король стал явно благоприятствовать этому делу и смотрел на оное сквозь пальцы». Жолкевский особо подчеркнул, что король пошел на поводу у пана Мнишка и кардинала Мацевевского против воли многих польских деятелей: «...против многих сенаторов, которым это дело весьма не нравилось».

Изложив столь беспристрастно суть дела, Жолкевский записал далее:

«Известно было на основании доказательств, и сам пан воевода Сандомирский знал, что сей обманщик не был Димитрий, но ослепленный корыстолюбием и гордостью [Мнишек] упорно поддерживал это предприятие. [Это происходило в 1604 году на исходе осени.] Он набрал не малое число людей, частью деньгами, а более обещаниями и надеждами. Продержав их долгое время в окрестностях Львова, к большому угнетению и ропоту бедных жителей, отправился потом через Киев в Северную землю».

Так началась война, навязанная и польскому и русскому народу, ненужная для обоих народов и выгодная только таким проходимцам, как Мнишек.

Много беспримерных подвигов совершили тогда простые русские люди, защищая родную землю. На вечные времена сохранится память о самоотверженных защитниках Смоленска. Под начальством воеводы Шеина в Смоленске было не более четырех тысяч воинов. У осаждавших Смоленск было до пятидесяти тысяч. Засевшие в крепости были отрезаны от всего мира, в то время как осаждавший враг оказался хозяином на всех путях к Смоленску.

Видели смольняне, что не могут одни преодолеть великие силы противника, получавшего подкрепление, новые орудия и машины для осады. Видели все, но сдаваться не думали.

В январе 1611 года направили смольняне грамоту к «Господам братьям нашим всего Московского государства». Обращаясь в ней ко всем русским людям, они писали: «Ведома вам смертная наша погибель?» С гневом требовали они помощи для защиты города.

Смерть глядела в тот час в глаза последним из защитников Смоленска. Но были едины душой и телом немногие уцелевшие из них, едины и непоколебимы в своем решении защищаться до конца.

Зная, что приближается их смертный час, не о себе писали смольняне, а к делу общенародному призывали: «Всею землею общею стати против врага».

Они твердо решили живыми не сдаваться в руки врага, считая, что лучше смерть, чем плен.

В посланной ими грамоте смольняне обличали предателей, орудовавших тогда в Московском государстве, стремившихся только к своему личному обогащению.

Призывая народ к борьбе, защитники Смоленска оборонялись упорно, терпели голод и нужду, хотя и знали, что помощь к ним уже не успеет притти.

«Не имея надежды на помощь, — писал польский гетман Жолкевский, — смоленский воевода Шеин при недостатке в людях, видя ежедневно смерть их, все еще упорствовал в своем намерении».

Располагая огромными силами, осаждающие все же не могли одолеть мужественных смольнян. Помог противнику перебежчик, некий Андрей Дедишин. Предатель указал слабое место в стенах Смоленска. Осаждающие поставили здесь стенобитные орудия, проломил стену и ворвались в город. Каждый дом, каждую улицу смольняне яростно защищали. Но ослабли за время осады силы смольнян и возросли во много крат у осаждающих. Не оставалось у воеводы Шеина и двухсот воинов, полностью сохранивших силы для борьбы. Защитники Смоленска оттеснены были к последнему их оплоту внутри города, к Соборной горке. Трупы врагов заполнили до краев находящийся здесь ров. Против немногочисленных смольнян в бой бросались все новые и новые силы. Но как ни велико было число нападавших, не удалось им покорить защитников Смоленска, хотя город и пал.

Во время осады раздался взрыв, который, как пишет

Жолкевский, «произвел чрезвычайное действие. Взорвана была половина огромного собора с собравшимися в нем людьми. Когда огонь распространился, многие из москвитян, подобно тому как это было и в Москве во время мартовского восстания 1611 года, добровольно бросились в пламя, чтобы не попасть в руки врагов».

II

Сохранилось много скорбных повествований, сложившихся в те тяжелые для русской страны годы.

Рассказывают древние сказания о том, как много погибло тогда людей, как трупы мертвых покрывали землю и как обагрились кровью города и села.

Записал один из современников тех дней, как исполнено было все скорбью и плачем, а «помочи никто не можаше содеяти».

Но неправ был тот, кто так писал. Правда, тяжело, до предела тяжело тогда было на Руси, но в отчаяние приходили только слабые люди. Нашлись и такие, что стали перебежчиками во вражьи станы. Но таких немного было.

В Москве и в Смоленске, в Соли Вычегодской и в Соли Камской, в далеком Томске и Красноярске в Сибири, в Чердыни, в Перми и в Верхотурье на Урале, в Ярославле, Нижнем-Новгороде и в других поволжских городах, в Карелии и на Украине, на Дону и на Оке — во всех русских городах и селах везде находились люди, не только не впавшие в отчаяние, но отдавшие все свои силы на борьбу за освобождение родины. Бесхитростно и беззаветно делали они свое дело, подготавливая победу.

Вешней порой глубоко под снегом начинают журчать первые струйки. Из малых струй рождаются потоки могучие, сливаются в реки великие. Из неясных первых проблесков весны, из капелей талых вырастает безудержная мощь половодья.

Горе тому, кто посмеет стать на его пути!

Горе тому, кто посмеет стать на пути русского народа! Прочь сметет народный гнев все, что станет на пути великой русской страны.

Так было три века тому назад, когда собирала наша родина свои силы и, собрав их, пришла к победе. Так будет и в наши дни, когда враг силой и волей советского народа будет окончательно истреблен. Никогда не переводились на нашей земле люди, мужественно отвечавшие тройным ударом на удар врага.

Всегда, чем грознее был час для родины, тем тверже становилась воля народа, знавшего, что он не может не победить.

Документы XVII века повествуют о том, как в час тяжкого испытания со всех концов Русской земли поднимались борцы за народное дело, как шли ратные люди для освобождения родины, как собирал народ «казну», припасы и оружие во всех концах страны — в Перми Великой и в Казани, в Устюжне Железнопольской и Вологде, в Соли Вычегодской и в Соли Камской и во многих других местах.

Шли тогда отряды на помощь Москве, шли к сердцу страны и боролись до тех пор, пока не изгнан был с родной земли последний из врагов.

Много великих дел совершили в то время русские люди, но не сразу пришел час полной победы. Не было сперва единства в действиях людей, боровшихся за освобождение своей родины.

Славные дела записали нижегородцы на страницах истории родины еще в 1608 году, когда нижегородские воеводы князь Александр Репнин и Андрей Алябьев нанесли ряд могучих ударов по вражескому войску.

2 декабря 1608 года нижегородские ополченцы под предводительством Алябьева разбили под Балахной «воров» и «наряд [артиллерию] у них и знамена и набаты взяли».

5 декабря 1608 года Алябьев с нижегородцами разбил «воров» под Нижним: «Воров под Нижним всех побили, и языков поймали больше трех сот человек, а побивали их, воровских людей, на пятнадцети верстах и болши, а знамени и набаты поймали, а ушло тех воровских людей немного, врознь, потому что стала ночная пора, и Государевы люди пришли в Нижний, дал бог здорово».

Как видим, Алябьев с нижегородцами не только разгромил противника, но и преследовал бегущих на протяжении более чем пятнадцати верст. Только ночь прервала преследование.

10 декабря Алябьев и нижегородцы снова «воровских людей, на дву[x] дорогах, побили многих, и иных живых поймали». 11 декабря нижегородцы с Алябьевым снова «воров побили на голову, и знамени у них взяли, и языков многих поймали».

Немало и иных славных дел совершили тогда нижегородские люди, в числе которых ходил на врага и Кузьма Минин. Не раз приходили в Москву к самозванцу Лже-

Димитрию грамоты от его приспешников о том, что бежали под ударами нижегородцев склонившиеся на сторону самозванца.

Бил народ «воровских людей» и в других местах. Так, разбили их казанцы 1 января 1609 года под Свяжском: «Побили на голову ж и топтали их и кололи, что свиней, и трупы их положили на семи верстах».

Собирались отряды тогда в разных концах Русской земли, чтобы водворить мир и порядок в стране. Так, например, 4 февраля 1609 года пермичи написали в Вятку, что собрали они и погнали еще 8 января ратных людей по Устюжской дороге на Москву. Обещали пермичи еще собирать ратников и крепко держали слово свое.

В феврале того же 1609 года послали пермичи отписку нижегородцам от имени «старост и целовальников и всех земских и посадских людей — волостных крестьян». Писали пермичи о ратных делах, указывая, что, по их мнению, для защиты родины «нам Пермичам с ними с Усолицы и с Вычезаны, и с Вологжаны, и с Галичаны, и с Колмогорцы, и со всеми Поморскими города, соединяся вместе заедин на богоотступников, на Государевых изменников, на воров, и на Литовских людей [так назывались отряды, пришедшие на Русь с Запада] стояти единомышленно».

В марте 1609 года послали в Москву ратников из Пермской земли чердынские старосты Степан Клементьев и Лукоян Гаврилов.

Собирали ратных людей для выручки Москвы и другие города Приуралья, Урала, Сибири. Узнав о том, что Ярославль осажден, люди вологодские — Микита Пушкин, Григорий Бороздин, Рахманин, Воронов и другие — послали из Вологды в Ярославль Максима Ворошилова и Силу Манойлова с ратными людьми «с нарядом и зельем», то-есть с пушками и порохом.

Посылали в тот и в последующие годы людей «со всяким ратным боевым оружием» и из Соли Камской, нынешнего Соликамска. Посылали «с Устюга Великого и от Соли Вычегодской всякой городской снаряд, и зелье, и селитру, и свинец с целовальниками и с ратными людьми, собрав вново четвертую рать». Отправляли деньги для расплаты с ратными людьми, посылали для платежей соболей и лисиц, сукна и тафту.

Отряд за отрядом собирали и отправляли русские города. 13 марта 1611 года на Северном Урале, в Чердыни, снова собрали пятьдесят ратных людей с пищалями и лу-

ками. Выдали за пять месяцев жалованье ратникам, отправляя их в поход с наказом стоять за дело русское «всем единодушно».

23 июня пермские старосты, целовальники, посадские и все жилецкие люди писали о великом деле в Казань, адресуя свою грамоту «головам и дворянам, детям боярским и сотникам стрелецким с стрельцами и пушкарям, и затынщикам и всяким служилым и жилецким людям». Грамоты рассылались тогда по всей Руси. В них лучшие люди призывали «быти со всею землею в любви и в совете и в соединении, и собрав бы ратных людей идти под Москву, в сход... очищати Московское государство от врагов, разорителей...» Целовали крест на верность родине и в Казани, и в Свияжске, и в Чебоксарах, и в Чердыни, и в Соли Камской, и в Кайгородке.

Гнев бурлил по всей стране, гнев великого народа, решившего разгромить всех врагов, разорявших родину.

Немало потрудился тогда русский народ. Но не объединены еще были в те годы силы народные.

Еще не подняла в те годы волна народного гнева на своем гребне того, кто мог бы объединить всю Русь и повести за собой народ. Но был он уже среди народа.

III

Впервые Минин обратился к народу в сентябре 1611 года.

Набатов раскатился призыв Минина с древней нижегородской площади. Страстные речи его передавались по Оке и Волге, по Каме и Сухоне, от Белого до Каспийского моря, от Днепра и Дона до великих сибирских рек.

В одном из наиболее важных исторических источников того времени, так называемом «Ином сказании», составитель его дал яркую характеристику выдвинутого народом «мужа, рода не славна, но смыслом мудра, его прозвание нарицаху Козма Минин, художеством бяше прежде говядарь».

Рисуя образ великого патриота, автор «Иного сказания» говорит о том, как Минин принял на себя «бесчисленные печали» и отдался «бурям различных попечений».

Вычерчивая мужественный образ Минина, составитель сказания особо отмечает, как преодолевал трудности народный герой. Если Минин и был «неискусен стремлением», как говорит автор, то-есть недостаточно еще опытен в государственных делах, то зато был, добавляет он, «смел дерзновением».

Кузьма Захарьев сын Минин Сухорук, или, как говорили обычно, Кузьма Минин, был коренным нижегородцем. «Излюбленным человеком» был он в родном городе, где пользовался всеобщим уважением за честность и за «мудрый смысл».

Жил Минин на нижегородской окраине, там, где жили небогатые люди. Занимался он торговлей мясом и рыбой. Но к иным делам были направлены его помыслы.

Деятельно участвовал Минин в ополчении Алябьева и Репнина. Опыт, накопленный в боевых делах, помог Минину в организации ополчения.

Нижегородцы уважали и любили своего согражданина. Уважение, которое питал народ к Минину, сказалось в избрании его земским старостой: «Всем градом избираю его в земские старосты и передаю ему строение всего града, да исправляет и разсуждает земския росправы яко же обычай есть».

Нижегородцы часто сходились в земскую избу к Минину для советов. Приходили к нему потолковать и на торг. Навещали и в доме на нижегородской окраине, над Почайною. Толковали о тяжелой године, думали с Мининым, как помочь родной земле. Неприметно стал творить Минин великое дело, сея в народе золотые слова. Слушали нижегородцы убедительные и простые, полные огня речи своего старосты. Стали понимать люди мудрый смысл речей Минина, сами стали говорить так, как направлял их земский староста.

— Что в богатстве нашем? — повели речь нижегородцы. — Токмо зависть поганым. И, если придут и город наш возьмут, не так же ли сотворят, как и другим городам? И разве может один город наш устоять против врагов?

— Правильно говорите, люди нижегородские! — отвечал Минин.

— Правильно, да не до конца. Сказать надо прямо: нет дела нижегородского, а есть наше общее, святое — дело всей великой Русской земли.

Наставлял Минин нижегородцев и в ином. Посадские люди в большинстве своем считали, что их дело — дать средства на содержание ратников. Все остальное, как думали они, должен делать кто-то другой.

Всю силу своего убеждения направил Минин к тому, чтобы подготовить почву среди сограждан для решающего выступления. Он говорил, что добровольные пожертвования, как бы много ни было их, не могут решить дело, что

не могут только они создать ту военную силу, которая решает все в борьбе с врагами.

«Люди посадские, люди торговые, люди ратные! Поднять надо весь народ. Не за один свой город, не за Нижний-Новгород, а за всю землю Русскую. Что пол-ста, что два-ста ратников поставим, а одному городу нашему не устоять. Подымать надо всем миром народное ополчение, деньги собирать, пушки лить, свинец и порох готовить, чтобы итти на Москву всем миром. Не пожалеем ничего. Продадим, если надо, дворы наши, заложим жен и детей, отдадим достояние свое для защиты от супостатов родной земли».

Горячий отклик встретил призыв Минина у нижегородцев, а за ними и у всех честных русских людей. В волнах народного подъема потонули отдельные голоса тех, кому мерещилось, что можно откупиться от врага. Народный гнев захлестывал немногих, что посмели помыслить итти против дела, поднятого Мининым.

Постановили нижегородцы поступить так, как говорил Кузьма Захаревич.

Стал нижегородский земский староста твердой рукой вести великое дело как «выборный человек».

Первым подал Минин пример своим согражданам, как следует поступать: «Той же первое собою начат: мало себе нечто в дому своем оставив, а то все житие свое положив пред всеми на строение ратных людей».

Прошли столетия, но до сих пор сохранилось предание о том, как отдал Минин «свое имение, монисты, пронизи и басмы жены своей Татьяны и даже серебряные и золотые оклады, бывшие на святых иконах».

Как говорит древнее предание, Минин обратился к своим согражданам со следующими словами:

«Господие мои и вси православнии! Долго ли быти во вдовстве царствующему граду Москве?.. За помощиею божиею ополчимся мы, войско Нижегородское, противу супостат. Хотя мы и все неискусны тому делу, станем на торгах кличь кликать волных служилых людей».

Спросили у Минина посадские люди, откуда им взять «казну» на содержание ратных людей. Ответил Минин, что собрал он с товарищами тысячу семьсот рублей.

«А брали третью денгу, у ково рубль, взяли десять алтын; а у ково три рубля, и у того взяли рубль; а у кого тридцать рублей, у того — десять рублей. А у меня [у Минина] убогого было 300 рублей, и аз сто рублей в зборные денги принес. По тому то и вы сотворите».

Ответили нижегородцы Минину согласием: «Буди по глаголу твоему!» Говорит древнее предание, будто пришла тогда к сборщикам «некая вдовица» и своим поступком «многих в страх вложила»: из имевшихся у нее двенадцати тысяч рублей десять тысяч отдала на народное дело.

На великое дело поднял Минин русский народ.

Подвиг Минина народ воспел через столетия в песнях своих. Бережно хранил народ песни-побывальщины, в одной из которых сказано, как действовал «Кузьма Сухорукый сын» — Минин:

Он собрал-то себе войско из удалых молодцов,
Из удалых молодцов нижегородских купцов;
Собравши их, он речь им возговорил:
«Ох, вы гой еси товарищи Нижегородские купцы!
«Оставляйте вы свои дома,
«Покидайте ваших жен, детей,
«Вы продайте ваше все злато-серебро,
«Накупите себе вострых копиев,
«Вострых копиев, булатных ножей,
«Выбирайте себе же князей из бояр удалова молодца,
«Удалова молодца воеводушку;
«Пойдем-то мы сражаться
«За матушку, за родную землю,
«За родную землю, за славный город Москву!»

IV

Грозная сила стала собираться в Нижнем-Новгороде. По призыву Минина шли ратники, собирал народ казну и припасы.

Когда стало собираться ополчение, задумался Минин о том, кто поведет народное войско на врага.

Предание говорит, что Минин указал, как на достойнейшего военачальника, на князя Дмитрия Михайловича Пожарского, залечивавшего в своей вотчине Мугреево, расположенной в Суздальском уезде, раны свои, полученные в мартовских боях 1611 года в Москве.

Пришлось долго уговаривать Пожарского, чтобы возглавил великое дело. Скромнен был Дмитрий Михайлович, говорил, что можно найти более достойного, чем он. Но знал народ, что не было тогда на Русской земле военачальника более искусного в боях, более преданного народу и более прославленного победами, чем Пожарский. Помнили все о том, что Пожарский всю свою жизнь, не в пример иным, беззаветно служил родине, был верным сыном ее.

Пожарский поставил условием, чтобы народ избрал особого доверенного человека, ведающего всей казной и

снабжением ратных людей. Когда сами нижегородцы не смогли сразу назвать такого человека, Пожарский указал им на Минина.

Так говорит предание.

Сошлись пути Минина и Пожарского.

Минин и Пожарский поступали во всем всегда согласно. Пожарский принял на себя военное командование. Все прочее осталось за Мининым, продолжавшим призывать народ в ополчение, собирать деньги, заготовливать оружие и боевые припасы, закупать продовольствие, одежду и все прочее.

Ни чинов, ни званий у Минина не было. Даже не было точного названия его должности. Да и не нужны были ему ни чины, ни звания. С гордостью нес Минин сохранившееся в документах простое название — «выборный человек».

Кузьма Минин был подлинно выборным всего народа, облеченным предельным доверием всех его сограждан.

Предание говорит о том, что Минин продавал дворы нерадивых плательщиков и даже «закладывал» жен и детей у пытавшихся уклоняться от утвержденных народом платежей.

Твердая была рука у Минина, умело вводил он порядок. Именно такой человек был необходим стране. Народ нашел его и выдвинул из своей среды.

Как свидетельствуют документы, нерадивых среди нижегородцев было очень мало. 4 октября 1612 года помечено было в грамоте о том, что в 1611 году нижегородцы «сами себя ни в чем не пошадил, собирая с себя деньги сверх окладных денег». Не следует упускать из виду при этом, что предшествующие годы нижегородцы вложили много средств на нужды обороны родины. Собирали они средства на содержание ополченцев Алябьева и других нижегородских отрядов и дали немало денег на овес и сено для казанских и иных отрядов. Все это не остановило людей при сборе новых средств для дела защиты своей родины.

Велики заслуги Минина, сразу обеспечившего сбор необходимых средств для создания ополчения. Умело повел он дело так, что давали средства люди «не единого Нижнего Новаграда, но и прочих городов». Много потрудился Минин: «И уготовише много казну зело».

Налаживая денежные дела затеянного им предприятия, Минин помнил, что судьбу родины могут решить только вооруженные русские люди. Вот почему одновременно со

сбором средств приступил он к сбору ратных людей под поднятое им знамя. Нижегородцы могли дать только небольшую часть требовавшихся вооруженных сил. Необходимо было привлечь в ряды ополчения людей со всех концов страны. Так и поступил Минин.

Еще до избрания Пожарского поспешил Минин призвать смольнян, стоявших в Арзамасе. Изгнанные из родной земли смольняне побывали под Москвой и после несогласий со стоявшими там казаками ушли под Арзамас, не желая междоусобицы. Минин знал, что смоленские изгнанники — именно те люди, которые нужны для его дела. Известно было Минину о смольнянах, что они «и воинскому делу искусни, паче же и в бедах сущи и в скудости мнзоей ходяще, а християном насилия не чиняще».

После переговоров с Мининым и Пожарским пришли смольняне в Нижний-Новгород, где должен был Минин им «корм и казну на подмогу давати».

Готовя ополчение, Пожарский и Минин посылали гонцов во все концы страны. Чтобы возможно скорее собрать достаточные средства, пришлось Минину прибегнуть к особому займу. В документах говорится, что занять деньги у частных лиц решили «покаместь нижегородские денежные доходы в зборе будут». В сохранившемся денежном документе-платежнице названы в числе давших деньги уральские «люди» Строгановых, ярославцы Лыткины и Чистой, москвичи Порывкин с Дощаниковым и другие.

К ноябрю 1611 года собралось в Нижнем-Новгороде уже немало ратников. В числе их было свыше трех тысяч опытных воинов, не считая тех, кто только теперь сменил по доброй воле орудия мирного труда на оружие. Для ополчения уже были накоплены Мининым некоторые средства.

Минин мог с гордостью смотреть на дело рук своих. Но ни Минин, ни Пожарский не успокоились на достигнутом, а еще упорнее повели свое дело. Понимали оба, что от людей зависит исход борьбы, и заботились о людях не щадя сил своих. Эта забота о человеке проходит через все дела народных избранников.

Для того чтобы упорядочить все дело, была создана в Нижнем-Новгороде особая воеводская канцелярия, куда был введен дьяк Василий Юдин, подписывавший уже с декабря 1611 года грамоты, после Пожарского.

Минину, заведующему казной ополчения, пришлось много потрудиться для получения новых средств, чтобы обеспечить быстро растущее ополчение. Это было тем бо-

лее трудно, что, как свидетельствуют летописи, «в Нижнем казны становяще мало». Пришлось Минину хлопотать о сборе новых и новых сумм далеко за пределами Нижнего-Новгорода. «Новый летописец» сообщает о том, что писали «по городам, в Поморские и во все Понизовые, чтоб им они помогали итти на очищение Московского государства». Откликались города на призыв Минина и Пожарского, посылали в Нижний людей «на совет», посылали и большую «казну».

Новые и новые грамоты рассылали из Нижнего, в которых призывали: «Будем... промышлять все за-один... О всяком земском деле учиним крепкий совет, а на государство не похотим ни литовского короля, ни Маринки с сыном, ни того вора, что стоит под Псковом».

Многие торопили Минина и Пожарского скорее выступить в поход, освобождать Москву, а вместе с ней и всю страну. Но знали народные вожди, что раньше всего надо обеспечить свой тыл. Только после многих трудов, положенных на это дело, решили Пожарский и Минин, что настал час повести ополчение из Нижнего-Новгорода. В марте 1612 года ополчение выступило в поход. Пожарский повел ополчение не прямо на Москву, а вверх по Волге, на Ярославль.

Балахна и Юрьевец, Решма и Кинешма и другие города дали ополчению новых ратников, немало дали и «казны» и припасов. Много помогли ополчению костромичи и иные люди нашей земли. Народ видел, что теперь избавление родины было в надежных руках Минина и Пожарского, и потому помогал их делу как умел и как мог.

В начале апреля пришло ополчение в Ярославль. Навстречу Минину и Пожарскому вышли ярославцы, предложив, как говорит предание, все свое имущество для общего дела.

Четыре месяца простояло ополчение в Ярославле. Пожарский в это время был занят военными делами и руководил действиями отрядов, посланных для того, чтобы брать под руку ополчения города и села. С каждым днем возрастало число городов, склонявшихся на сторону дела Минина и Пожарского. От Рязани и Тулы до Устюжны Железнопольской и Твери стали за эти месяцы хозяевами вожди ополчения. Много труда пришлось положить на то, чтобы сместить власть подмосковных воевод, склонявшихся на сторону самозванца, лишая их военных сил и казны.

Не напрасно проходили месяцы стояния в Ярославле. Минин и Пожарский упорно подготавливали победу над

врагом. Особенно важным было укрепление их позиций на юге, что давало возможность опоясать Москву полукольцом от Тулы и Рязани до Твери. Это имело огромное значение, так как тем самым вынуждало казаков, стоявших под Москвой против поляков, либо уходить, либо действовать сообща с земскими людьми, шедшими под знаменем Минина и Пожарского.

За четыре месяца пребывания в Ярославле много было сделано при деятельном участии Минина по устройению внутренних дел Русской земли.

Великие дела творил Минин и в Нижнем-Новгороде, и на пути в Ярославль, и в Ярославле. Народ сохранил на вечные времена память о подвигах Минина, сохранил то, что не нашло отражения в документах тех дней.

Имеется мало документальных сведений о деятельности Минина. Это объясняется тем, что Минин не был родовит и богат, а в тот век придавалось большое значение древности и богатству рода. Приказные дьяки, ведшие записи, заботливо отмечали имена всяких князей и бояр, забывая часто упоминать простые имена самых лучших людей нашей родины. Так было и с Мининым, поднявшим знамя великой борьбы и, как говорит память народа, высоко державшим его вплоть до всенародной победы.

Начатое Мининым дело выросло в великое дело всей Русской земли.

Для обсуждения всех дел в Ярославле был создан совет, получивший название «совета всей земли», так как в него входили представители от всей земли Русской. Еще по прибытии в Ярославль Пожарский, по совету с Мининым, послал грамоты всем склонившимся к делу ополчения, прося прислать «для общего земского совета изо всяких чинов человека по два или по три».

Такой призыв Пожарского и Минина был повторен несколько раз.

Много пришлось потрудиться Минину при организации центральных органов управления — приказов, ведавших в те времена делами Московского государства. В числе других учреждений был создан в Ярославле Денежный двор, с которым особенно должна была быть связана деятельность Минина.

Неутомимо трудились вожди ополчения в Ярославле, выковывая условия для вооруженной борьбы.

Тем временем в Ярославль приходили новые отряды ополчения. Много людей пришло из западных городов — из Клина, Твери, Кашина, Углича, Торжка, Старицы, Ржева,

Волоколамска, Можайска и других. Сбору многочисленного ополчения под знамя Минина и Пожарского немало помогла забота о ратниках, которым Минин обеспечивал довольствие и жалованье. Продолжался сбор коней для ополчения, собирался и «всякий запас» — продовольствие, корм, ткани, и, конечно, особенно тщательно собирали и готовили оружие и боеприпасы. Возможно, заслугой именно Минина было то, что в Ярославле собрали достаточно много «наряду», то-есть артиллерии. Пожарский даже смог отправлять «наряд» в города и места, ставшие на сторону всенародного дела. Так, например, были отправлены двенадцать пищалей в суздальский Спасо-Евфимьевский монастырь.

Таковы были труды Минина и Пожарского во время пребывания в Ярославле, хотя и длительного, но пошедшего полностью на пользу народному делу.

От Соловецкого монастыря на Белом Море до украинских городов — везде чувствовались хозяйские, заботливые руки, уверенно ведущие страну от бед и разорения к победе. Руки эти принадлежали Пожарскому и «выборному человеку» Русской земли — Минину — с их товарищами.

V

Настал час идти на Москву. Повели Пожарский и Минин народ на решающий бой.

В июле стало известно, что польский гетман Ходкевич ведет к Москве свежие силы и обозы с продовольствием. Необходимо было предупредить возможность соединения Ходкевича с поляками и изменниками, засевшими в Кремле. Из Ярославля спешно были отправлены передовые отряды, занявшие места у московских ворот.

26 июля 1612 года выступили из Ярославля главные силы народного войска во главе с Пожарским и Мининым.

После первого же от Ярославля перехода Минин вместе с Хованским и рядовыми «зборщиками» отправился собирать подкрепления, «ратных достальных людей забивати в полки». Минин с Хованским поехали в Ростов, а остальные сборщики новых сил отправились в другие места. Как сообщает «Новый летописец», в результате деятельности Минина и его сотоварищей «из городов... многие люди придоша в Ростов». Труды Минина снова, как и всегда, увенчались успехом.

Летописец рассказывает, как по пути, когда «пошел из Ярославля со всею ратью князь Дмитрий и Кузма», им

удалось укрепить свое влияние в ненадежных казачьих таборах, стоявших под Москвой. Казачий атаман Заруцкий, подсылавший убийц к Пожарскому в Ярославль, бежал из-под Москвы. Вместе с Заруцким бежала из-под Москвы и наиболее ненадежная часть казаков, склонявшихся много раз на сторону всяких «воров» и самозванцев. Пожарский и Минин умышленно задержались под Москвой у Троицко-Сергиевского монастыря, с тем чтобы улучшить отношения с казаками, «чтобы друг на друга никакого бы зла не умышляли».

Во время стоянки у Троицы Минин и Пожарский получили сообщения, что польский гетман Ходкевич «вскоре будет под Москву». Пospешили тогда народные вожди и успели опередить противника.

20 августа, на один день раньше, чем Ходкевич, пришли Пожарский и Минин со всеми своими силами к Москве.

Вожди народного ополчения отвергли предложение Трубецкого, возглавлявшего казачьи таборы, давно стоявшие у Москвы, присоединиться к казакам, так как присоединиться к Трубецкому, стоявшему в Замоскворечье, значило открыть путь Ходкевичу через Арбатские ворота. Знали они также, что рать Трубецкого хотя и воюет с поляками, но ненадежна. Знали, что люди Трубецкого много послужили разным самозванцам, разорявшим родину. Стал тогда Трубецкой «на князь Дмитрия Михайловича Пожарского и на Кузму и на ратных людей нелюбовь держати». Но иначе не могли поступить Пожарский и Минин, опасаясь измены Трубецкого во время боя.

22 августа Ходкевич стал наступать. Завязался жестокий бой. Воины, приведенные Мининым и Пожарским, изнемогали, но Трубецкой запретил своим людям пойти на помощь. Не дозволил Трубецкой идти в бой и пяти отборным конным сотням, присланным еще до боя Пожарским к Трубецкому. Видя героическую борьбу воинов Пожарского и Минина, не вытерпели эти сотни и сами ринулись в бой. Поняли тогда казачьи атаманы Трубецкого Межаков, Коломна, Романов и Козлов, что благодаря Трубецкому «Московскому государству и ратным людям пагуба становится». Увидя отход конных сотен Пожарского от Трубецкого, пошли и они со своими воинами на помощь Минину и Пожарскому. Вмешательство свежих сил помогло делу. Ходкевич понес большие потери и был отброшен.

24 августа собрался Ходкевич с силами и в последний раз попытался прорваться в Москву, чтобы соединиться с засевшими в Кремле. Бой этот был еще более жестоким.

Удача стала склоняться на сторону Ходкевича. Не имея возможности больше сдерживать натиск, русские начали отступление, изматывая силы противника. Однако, перегруппировавшись, народное ополчение вскоре перешло в наступление. Великую воинскую доблесть проявил при этом Минин. С согласия Пожарского он взял несколько сотен и внезапно ударил на противника. Воодушевленные примером «выборного человека», с новой силой ринулись в бой и все остальные русские воины, тесня врага. Поднялась, как говорит летописец, стрельба такая, что не стало слышно человеческого голоса: «Огню же бывшу и дыму яко от пожару велия, гетману жы бывшу в великой ужаси и отойде к пречистой Донской и стояще во всю ночь на конех. На утрие же побегоша от Москвы. Срама же ради своего в Литву поидоша».

После победы осталось освободить от противников сердце Москвы — Кремль. Пожарский и Минин совершили и это дело.

1 ноября 1612 года торжественно праздновала Москва свое освобождение.

VI

Не много сведений сохранилось о делах и жизни Минина в последующие годы. Известно, что 12 июня 1613 года Кузьма Минин был пожалован в думные дворяне. В декабре 1614 года думный дворянин Кузьма Минин вместе с другими должностными лицами подписывал грамоту, отправленную с посланником Федором Желябужским в Польшу, о назначении съезда для заключения прочного мира между государствами.

В 1616 году великий гражданин сошел в могилу.

Не стало Минина, но память о замечательном народолюбце бережно несет русский народ через столетия.

В дни героической защиты Москвы от фашистского зверья пламенные патриоты нашей страны дали достойный отпор врагу, нагло рвавшемуся к сердцу страны. Как и в 1612 году, враг был разгромлен и отброшен прочь от столицы.

В годы тяжелых испытаний наш народ всегда вспоминал своего избранника, возглавившего путь к победе. Мужественный образ народного героя с новой силой вдохновляет теперь нас в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.